

Дискуссионная трибуна

О некоторых аспектах геополитических отношений в Арктике

© 2019

Сунь Сюэвэнь

В статье рассматриваются феномен «когнитивного диссонанса» между региональными и внерегиональными игроками по арктическим вопросам, его причины и последствия, а также мероприятия, способствующие уменьшению его степени. Основная причина, вызывающая эти разногласия, заключается в национальной идентичности, категоризация которой создает различия между «своими» и «чужими». Странам с аналогичной идентичностью легче одинаково воспринимать реальность и развивать сотрудничество.

Ключевые слова: арктические державы, внерегиональные страны, когнитивный диссонанс, геополитические отношения, национальная идентичность, Конвенция ООН по морскому праву, Арктический совет.

DOI: 10.31857/S013128120005306-7

Акторов в арктическом регионе можно разделить на четыре группы: пять «официальных» арктических держав (РФ, США, Канада, Дания, Норвегия); приарктические страны (Исландия, Финляндия и Швеция); международные организации западных стран (ЕС и НАТО); другие неарктические страны, включая азиатские¹. Между этими группами возникают сложные геополитические отношения. По мере продвижения проекта «Ледяной шелковый путь» в рамках инициативы «Пояса и Пути» приобретает актуальность вопрос регулирования отношений между арктическими и внерегиональными странами, которые находятся вверху и внизу пирамиды соответственно.

Ярким примером служит развивающееся российско-китайское арктическое сотрудничество. В декабре 2015 г. премьер-министры РФ и КНР на 20-й ежегодной встрече в совместном коммюнике изначально предложили проект «Ледового шелкового пути» в формате укрепления сотрудничества по использованию Северного морского пути (СМП), развития научных исследований по вопросам арктического судоходства². В ноябре 2016 г. в совместном коммюнике по итогам 21-й ежегодной встречи премьер-минист-

Сунь Сюэвэнь, аспирантка кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: sunxiuwen90@gmail.com.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Шанхайского политико-юридического университета. Проект № 18SHJD016 «Исследование китайско-российского арктического сотрудничества в энергетической области в рамках стратегии “Пояс и Путь”».

ров описание инициативы трансформировалось в «исследование перспектив совместного развития транспортного потенциала СМП»³. Совместное заявление РФ и КНР в 2017 г. снова указывало, что стороны будут укреплять взаимодействие в сферах использования СМП, проведения совместных научных экспедиций, освоения энергетических ресурсов, арктического туризма, охраны окружающей среды⁴.

Однако на практике российско-китайское арктическое сотрудничество развивается невысокими темпами: установлены ограничения в определенных областях сотрудничества, незначительное количество государственных предприятий имеет допуск в Арктику, отсутствует правовой механизм регулирования существующих рисков и т.д. Ситуация у таких внерегиональных стран, как Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия, еще хуже — реальное сотрудничество в Арктике практически не стартовало, несмотря на имеющиеся для этого значительные возможности и стремления. Автор полагает, что главным препятствием на начальных этапах сотрудничества является когнитивный диссонанс и низкое взаимное доверие.

Когнитивный диссонанс в международных отношениях

Когнитивная психология — это психология, ориентированная на эксперимент и математическое моделирование мышления, занимающаяся исследованием познавательных процессов — памяти, внимания, чувств, представления информации, логического мышления, воображения, способности к принятию решений⁵. В 1956 г. Гаролд и Маргарет Спроут опубликовали монографию «Гипотезы отношений человек-среда в китайской международной политике», в которой рассматриваются когнитивный бихевиоризм (*cognitive behaviorism*) и гипотезы отношений между человеком и окружением в контексте международной политики⁶. С тех пор «когнитивная психология» нашла свое применение в исследованиях международных отношений, особенно в таких проблемах, как международные кризисы, мир и разрешение конфликтов, переговоры и политика альянсов⁷.

«Когнитивная психология» считает, что в силу ограниченных познавательных способностей и недостаточной информации человек может принять нерациональное решение в условиях стрессовой внешней среды. В связи с этим американский когнитивный психолог Херберт Симон предложил понятие «ограниченная рациональность» (*bounded rationality*)⁸. Следует отметить, что когнитивность влияет на внешнюю политику несколькими способами:

- лица, разрабатывающие внешнюю политику, играют ключевую роль в принятии решений;

- между этими лицами существуют отличия в восприятии реальной ситуации;
- эти отличия сказываются на внешней политике и дипломатических отношениях⁹.

В 1957 г. американский психолог Леон Фестингер предложил теорию когнитивного диссонанса, которая отмечает, что могут существовать диссонантные отношения, или отношения несоответствия между познаваемыми элементами¹⁰. Китайский политолог Цинь Яцин делит когнитивный диссонанс на два типа: субъект-объект и между субъектами. Первый имеет в виду неточное восприятие субъектами объектов, второй — несовпадающее познание одной и той же вещи различными субъектами. На современной международной арене действуют различные акторы, между которыми всегда существует когнитивный диссонанс в связи с рядом факторов, таких, как собственная культурная традиция, структура знаний, практический опыт, информационные каналы и т.д.¹¹

В целом когнитивный диссонанс между арктическими державами и внерегиональными странами по вопросам арктической повестки выражается в двух аспектах:

– толкование отдельных положений Конвенции ООН по морскому праву, в частности, противоречие между правами и интересами арктических стран и концепцией «общего наследия человечества»;

– позиции по вопросу модели управления Арктикой на фоне более явного проявления различных проблем и растущего разнообразия субъектов деятельности.

Основная причина, вызывающая вышеупомянутые разногласия, заключается в национальной идентичности. Идентичность — это осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего¹². В исследования идентичности в когнитивно ориентированной психологии внесли вклад социальные психологи Х. Тэджфел и Д. Тернер, которые считают, что идентичность связана с категоризацией, в силу которой формируются различия между «своими» и «чужими». Государствам, обладающим аналогичной идентичностью, легче одинаково воспринимать реальность, достичь соглашений и создать союзы¹³. В результате сотрудничество в Арктике между самими региональными странами развивается эффективнее, чем между региональными и внерегиональными.

Трактовки концепции «общего наследия человечества»

«Конвенция ООН по морскому праву» 1982 г. (далее — Конвенция) остается наиболее всеобъемлющим и общепризнанным международным документом, регулирующим вопросы морского права. Однако в силу того, что Конвенция является результатом компромисса различных международных сил, в ней существуют недостатки, которые повышают вероятность конфликтов в арктических вопросах. Например, наличие не уточненных законом прав может привести к противостоянию между странами по распределению прав, которое обострится по мере развития морских технологий.

Значительные сложности создает противоречие между интересами арктических стран и концепцией «общего наследия человечества», которое находит конкретное выражение в вопросе разграничения континентального шельфа в Северном Ледовитом океане (СЛО) и проблеме правового статуса арктических морских путей.

Ст. 136–137 Конвенции определяют, что «Район» (дно морей и океанов и их недра за пределами национальной юрисдикции) и его ресурсы являются общечеловеческим наследием. Ни одно государство не может претендовать на суверенитет или суверенные права над какой-либо частью Района или его ресурсов. Однако в определенный период представляется невозможным определить границы «Района» в силу ст. 76 Конвенции, согласно которой континентальный шельф прибрежного государства включает всю протяженность естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходной линии¹⁴.

Принцип естественного продолжения, таким образом, стал законодательной основой для претензий арктических держав на континентальный шельф в СЛО. Стоит отметить, что Комиссия ООН по границам континентального шельфа может проводить экспертизу и выносить заключение по существу поступивших от прибрежных государств заявлений. Окончательное решение по разграничению континентальных границ должно быть выработано лишь в рамках переговоров соответствующих сторон. Если в таком случае договориться не удастся, спор будет передан на рассмотрение Международного суда ООН в Гааге¹⁵.

Текущая проблема заключается в том, что заявки на делимитацию арктического шельфа имеют точки пересечения между Россией и Данией, Россией и Канадой, а также Канадой и Данией. Российские притязания на хребет Ломоносова и поднятие Менделеев-

ва, к примеру, могут быть реализованы лишь в условиях координации с Данией и Канадой и достаточной научной обоснованности¹⁶. Для этого необходимы серьезные финансовые, технологические и научные вложения, а также использование эффективных законных, дипломатических и даже военных методов.

Существует точка зрения, что позиция «общего наследия человечества», поддерживаемая внерегиональными странами, противоречит продвигаемой арктическими державами идее суверенитета. Практически между арктическими державами и внерегиональными странами, в отличие от самих арктических держав, отсутствуют противоречия по вопросу разграничения арктического шельфа, как и возможности оказывать влияние на решения Комиссии. Внерегиональные страны основываются на положениях Конвенции, с одной стороны, провозглашая Арктику общим наследием человечества, а с другой стороны, уважая суверенитет и суверенные права арктических стран.

Интересы внерегиональных стран в Арктике концентрируются в областях «низкой политики» — экологической охраны, научных исследований, арктического туризма, а также в экономических сферах — транспортной логистики и энергетической потребности. Более того, исследование Геологического управления США показывает, что большинство запасов углеводородов в Арктике приходится на особые экономические зоны прибрежных государств. Учитывая текущую техническую зрелость, в кратко- и среднесрочной перспективе район вокруг Северного полюса не имеет потенциала освоения. *Делимитация арктического шельфа для внерегиональных стран в определенном смысле является символической.*

Другой важный аспект концепции «общего наследия человечества» состоит в транснационализации арктического судоходства. В Конвенции устанавливаются право мирного прохода судов через территориальное море прибрежных стран, право транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства, право свободного судоходства за 12-мильными пределами территориального моря, куда входят исключительная экономическая зона прибрежных государств и открытое море за пределами 200-мильных зон. Пользование этими правами не требует специального разрешения прибрежных государств¹⁷.

Спецификой правового режима в Арктике является ст. 234 Конвенции о покрытых льдом районах, согласно которой прибрежное государство имеет право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды. РФ и Канада активно пользуются этим правом — устанавливают экологические стандарты судоходства, дают разрешения на проход судов и оказывают услуги по лоцманской проводке судов. Принятые Россией и Канадой меры в рамках ст. 234 Конвенции не оспаривают как арктические страны, так и внерегиональные страны¹⁸.

Следует отметить, что в условиях происходящего уменьшения площади ледяного покрова Арктики все чаще звучат высказывания о необходимости пересмотра практики применения ст. 234 Конвенции¹⁹. Кроме того, США настаивают на том, что эта статья, позволяющая арктическим прибрежным государствам устанавливать особые правила плавания в покрытых льдом акваториях, не распространяется на военные корабли согласно ст. 236 Конвенции²⁰.

Усложняют ситуацию противоречия между арктическими державами. РФ и Канада настаивают на том, что акватории Северного морского пути (СМП) и Северо-Западного прохода (СЗП) являются историческими морскими водами и должны относиться к внутренним водам по принципу прямой исходной линии. Однако США оспаривают установленные Россией и Канадой прямые исходные линии и заявляют, что согласно ст. 8 и

ст. 38 Конвенции суда третьих стран имеют право мирного прохода через территориальное море прибрежных государств СЛО, а также право транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства²¹.

Документ секретариата ООН 1962 г. «Юридический режим исторических вод, включая исторические заливы» выделяет три критерия для определения «исторических вод», а именно: а) властные полномочия, осуществляемые государством; б) непрерывное осуществление властных полномочий; в) терпимое отношение международного сообщества к такому осуществлению²². С этой точки зрения отнесение СМП и СЗП к историческим водам России и Канады вполне обоснованы.

Согласно ст. 7 Конвенции при проведении прямых исходных линий не допускается заметных отклонений от общего направления берега, а участки моря, лежащие с внутренней стороны этих линий, должны быть тесно связаны с береговой территорией, чтобы на них мог быть распространен режим внутренних вод. Исходя из этих критериев, зарубежные эксперты оспаривают корректность проведения прямых исходных линий Россией и Канадой, а также отмечают, что СМП и СЗП пролегают через акватории, имеющие разный правовой статус²¹.

Таким образом, правовой статус арктических морских путей остается предметом дискуссии между рядом арктических держав, от которой по существу держатся в стороне другие арктические и внерегиональные страны. Следует подчеркнуть, что после президента Дж. Картера США продолжают реализовывать Программу свободной навигации во всем мире, включая как Северный Ледовитый океан, так и Южно-Китайское море, при этом Китай вряд ли согласится с американским толкованием ст. 236 Конвенции.

Позиции по моделям управления Арктикой

Арктический совет (далее — Совет) представляет собой ключевой механизм обеспечения устойчивого развития региона и важную платформу для развития международного сотрудничества в Арктике. В 1996 г. восемь арктических стран приняли Оттавскую декларацию об учреждении Совета в рамках Стратегии защиты окружающей среды Арктики в 1991 г. В состав Совета сейчас входят постоянные члены — «восьмерка» арктических стран, постоянные участники — шесть организаций, представляющих коренные народы Арктики, страны-наблюдатели — европейские и азиатские страны (Великобритания, Германия, Франция, Испания, Италия, Нидерланды, Швейцария, Польша, Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия).

В течение более двадцати лет с момента создания в рамках Совета достигнуты успехи по институциональному закреплению механизмов сотрудничества в этом процессе. Вне рамок Совета наблюдается тенденция «регионального самоуправления», которая выражается в следующих аспектах.

Во-первых, взаимодействия между арктическими странами развиваются и не прекращаются даже в сложившихся на сегодняшний день условиях, когда Совет не способен управлять вызовами политического характера, существующими в арктическом регионе. Речь идет о конфликте вокруг разграничения континентального шельфа СЛО и разногласиях по правовому статусу СМП и СЗП. В то же время политические противоречия, не имеющие отношения к арктическому региону, несут риски для эффективного функционирования Совета, в частности обострение отношений РФ и западных стран, вызванное событиями на Украине. Успехом взаимодействия служит заключение ряда юридически обязывающих соглашений, а также проведение очередных форумов-диалогов²³.

Во-вторых, региональные страны демонстрируют солидарность в выборе моделей управления Арктикой. Опираясь на ст. 136–137 Конвенции, во внерегиональных странах предложили составить договор об Арктике по модели Договора об Антарктике 1959 г. и на основе этого договора принимать меморандумы по поводу отдельных вопросов, создавая систему управления Арктикой²⁴. Этой идее противостояли арктические державы. Илуиссатская декларация указывает, что создание еще одного широко признаваемого международного механизма не представляется целесообразным и правовой режим Конвенции представляет собой стабильную базу для эффективного управления. Суверенные права на континентальный шельф должны быть урегулированы в рамках существующих правовых структур²⁵.

В-третьих, арктические страны также ведут переговоры по спорным вопросам разграничения специальных экономических зон и внешнего континентального шельфа на двустороннем уровне. Так, в 2010 г. Россия и Норвегия подписали Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, разрешивший споры относительно разграничения акваторий двух стран, проблемы совместного рыболовства и добычи энергоресурсов²⁶. Эти практические результаты в рамках «регионального самоуправления» в значительной степени помогли устранить существующие зоны напряженности в Арктике.

Однако подобное региональное самоуправление носит высокую степень авторитарности и эксклюзивности, что выражается в разграничении компетенций в Совете. Статус наблюдателя — это первый шаг внерегиональных стран к участию в арктических делах, не изменяющий их периферийное положение в региональной повестке.

В 2011 г. в ходе сессии Совета была подписана Нуукская декларация, которая предусматривает, что страны-наблюдатели обязуются следовать положениям Конвенции ООН по морскому праву, признавать суверенитет и суверенные права арктических стран в регионе, а также могут внести вклад в работу Совета²⁷. Следует отметить, что страны-наблюдатели на встречах министров не имеют права голоса, могут озвучивать свое мнение или предлагать письменные заявления на различных заседаниях лишь как приглашенные участники по согласованию с председателем Совета, в порядке очереди после предложений постоянных членов²⁸. С точки зрения внерегиональных стран, их обязанности и права в Совете в определенной степени не сбалансированы, статус наблюдателя предоставляет лишь ограниченную возможность вносить предложения.

Привлечение внерегиональных стран в Совет может давать двойной эффект. С одной стороны, если все больше азиатских и европейских стран получают статус наблюдателей, это приведет к изменению структуры и распределения полномочий в Совете. Именно по этой причине повысили уровень критериев, необходимых для страны-наблюдателя. С другой стороны, участие внерегиональных стран в определенной степени означает, что они признают главенствующую роль арктических стран в регионе, что также демонстрирует многообразие Совета и способствует повышению геополитического веса организации в целом. При этом арктические державы всегда осторожно строят отношения с внерегиональными странами.

Тем не менее, по мере того как арктические проблемы становятся более актуальными в меняющихся климатических и геополитических условиях, а субъекты и виды деятельности в арктических делах — более разнообразными, возникают различные позиции по вопросу управления Арктикой.

Позиция, представленная арктическими державами, предлагает на региональном уровне совершенствовать существующую правовую основу и укрепить существующие механизмы управления, способствовать их институционализации путем созда-

ния зрелых механизмов в отдельных вопросах и областях. Арктический совет в связи с этим должен трансформироваться из межправительственного форума высокого уровня до полноценной международной организации, способной устанавливать политический курс. Арктические вопросы принадлежат к категории национальной юрисдикции прибрежных государств и должны основываться на принципах суверенитета и национальной безопасности. Суть этой позиции заключается в укреплении собственного контроля арктических держав над регионом.

Внерегиональные страны предпочитают формировать модель «совместного управления» в связи с тем, что арктические вопросы, такие, как изменение климата, экологическая среда, а также ситуация в районе вокруг Северного полюса, имеют глобальный характер. Эта модель предполагает совместное участие всех заинтересованных сторон и эффективное взаимодействие существующих механизмов, при этом Арктический совет выступает как площадка, повышающая общую ценность всех государств и международное признание соглашения, а также реализующая синергетические эффекты арктического сотрудничества. Сторонники этой позиции оспаривают проявленную авторитарность и эксклюзивность в существующей системе, считая целесообразным создание нового комплексного механизма для управления Арктикой.

Противоречия между первой и второй позициями привели к появлению компромиссного подхода, который предполагает, что управление Арктикой должно двигаться к упорядочиванию, механизмы управления — к институционализации, а модель управления — к частичной открытости. Когда затрагиваются такие «твердые» вопросы, как суверенитет и безопасность, арктические страны выбирают закрытую модель, но в «мягких» сферах, затрагивающих глобальные интересы, необходимо постепенно переходить к открытой модели.

Формирование национальной идентичности в Арктике

По мнению российского эксперта А. Загорского, позиция арктических и внерегиональных стран не является отражением непреодолимых глубинных противоречий между ними; они носят вполне конкретный характер и могут быть разрешены на основе взаимного уважения и координации политики²⁹. Однако фактически существующий когнитивный диссонанс между арктическими и внерегиональными странами привел к негативным последствиям.

В психологическом аспекте чрезмерный когнитивный диссонанс приводит к взаимному непониманию и недоверию между странами, что в свою очередь приводит к тому, что при скрининге информации они склонны фокусироваться на ее отрицательной стороне, базирующейся на ранее имевшемся воззрении.

В практическом аспекте неумеренный когнитивный диссонанс не способствует разработке подходящей внешней политики и созданию взаимодействия между странами, что приводит к отставанию политики от объективной реальности или отклонению политики от воли другой стороны и в конечном счете препятствует сотрудничеству³⁰.

В результате формирование национальной идентичности становится главным инструментом внерегиональных стран для реализации своей арктической политики. Великобритания и Китай опубликовали Белые книги по своей арктической политике в 2013 г. и 2018 г. соответственно, в которых они, опираясь на ряд предпосылок, определяют себя «ближайшим соседом Арктики»³¹ и «околоарктической страной»³².

Во-первых, интересы этих стран связаны с межрегиональной и глобальной повесткой в Арктике, особенно с климатическими, экологическими, социальными, правовы-

ми и экономическими вопросами, касающимися всех стран мира, — выживание и развитие всего человечества неотделимы от интересов внерегиональных игроков.

Во-вторых, внерегиональные страны имеют право на научные исследования, мореплавание, использование воздушного пространства, рыболовство, прокладку подводных кабелей и трубопроводов, разведку и добычу полезных ископаемых в определенных акваториях согласно Конвенции ООН по морскому праву, Договору о Шпицбергене и другим общепризнанным международным соглашениям.

В-третьих, как важные члены международного сообщества, эти страны активно участвуют в работе международных механизмов устойчивого управления Арктикой, таких, как Международный арктический научный комитет, Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона (Великобритания) и т.д.

В-четвертых, эти страны, используя свои финансовые, кадровые и технические ресурсы, проводят научные экспедиции и создают научные станции в арктическом регионе, постепенно выстраивая систему научного наблюдения за полярными водами, ледяным покровом, атмосферой, биосферой, геологическим строением и т.п.

В-пятых, Китай в рамках инициативы «Пояс и Путь» предложил совместное построение «Ледяного шелкового пути», что может способствовать совершенствованию сети арктических морских путей и социально-экономическому развитию прибрежных государств СЛО.

Однако формирование национальной идентичности в Арктике для внерегиональных стран является сложным процессом. Конструктивист А. Вендт выделяет два этапа формирования национальной идентичности: в начале — это самопознание, т.е. кем мы себя воспринимаем; а потом — это признание другого, т.е. кем другие нас воспринимают. В этом аспекте внерегиональные страны еще находятся на переходе с первого этапа на второй. Выдвинутое Китаем понятие «околоарктическая страна», например, подвергается критике со стороны ряда западных экспертов. Они считают, что арктическая политика Китая носит достаточно ревизионистский характер³³. Поэтому для внерегиональных стран путь к формированию национальной идентичности, признанной арктическими странами, является долгосрочной перспективой.

Предложения

Несмотря на значительные нормативные и практические достижения в решении проблемных вопросов международного характера, в Арктике на сегодня остро стоит проблема поиска путей уменьшения степени когнитивного диссонанса и укрепления взаимного доверия между арктическими и внерегиональными странами, налаживания международного сотрудничества в разных профилях арктической тематики, и в конечном счете — реализации всестороннего устойчивого развития в арктическом регионе. Арктические и внерегиональные страны в этом направлении должны реализовывать следующие мероприятия:

- взаимно уважать интересы и права арктических и внерегиональных стран, представленные в международных законных документах, таких, как Конвенция ООН по морскому праву, Договор о Шпицбергене и т.д.

- координировать политику по созданию механизма правового регулирования по таким вопросам, как изменение климата, загрязнение окружающей среды, международное морское право, противодействие терроризму на море и т.д.;

- в случае необходимости установить связи регулярного диалога и обмена между параллельными механизмами (правительства, научно-исследовательские органы, предприятия и т.д.) арктических и внерегиональных стран;

– в рамках соответствующих международных площадок продвигать инициативы по развитию низкоэмиссионной зелёной энергетики, а также укреплять взаимодействия в сфере морских технологий, снижать загрязнение окружающей среды от судоходства;

– использовать в рамках ШОС и БРИКС имеющиеся перспективы для обсуждения арктических вопросов и развития регионального сотрудничества между Россией и внерегиональными странами;

– в рамках совместного построения «Ледового шелкового пути» эффективно решать вопросы по инвестированию в совершенствование инфраструктуры, благоприятной режиму для транзитного прохода, по научно-техническому сотрудничеству на основе переговоров.

1. *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегии стран Восточной Азии в Арктике // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 35–48.
2. 20-я регулярная встреча глав правительств РФ и КНР // Сайт Правительства России. 17.12.2015. URL: <http://government.ru/news/21123/> (дата обращения: 11.01.2019).
3. Чжун э цзунли ди эршии цы динци хуйу лянхэ гунбао: [Совместное коммюнике по итогам 21-й ежегодной встречи премьер-министров РФ и КНР] // Синьхуа Ван. 8.11.2016. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2016-11/08/c_1119870609.htm (дата обращения: 11.01.2019).
4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Сайт Президента России. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 11.01.2019).
5. Когнитивная психология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/2077286> (дата обращения: 11.01.2019).
6. *Sprout Harold, Sprout Margaret.* Man-milieu relationship hypotheses in the context of international politics. Princeton: Center for International Studies. 1956.
7. *Инь Цзиу.* Жэньчжи синьли сюэ чжи юй гоцзи гуаньси яньцзю: цзиньбу цзи ци вэньти: [Когнитивная психология в исследованиях международных отношений: прогресс и проблемы] // Вайцзяо пинлунь. 2006. № 4. С. 101–110.
8. *Симон Херберт.* Сяньдай цзюецэ лилунь дэ цзиши: [Современная теория управленческих решений] / пер. на кит. яз. Ян Ли, Сюй Ли. Пекин, 1989. С. 45–64.
9. *Hopple Gerald.* Biopolitics, Political Psychology and International Politics. London: Frances Pinter Publisher. 1982. P. 38–40.
10. *Festinger Leon.* A Theory of Cognitive Dissonance. California: Stanford University Press. 1957.
11. *Цинь Яцин.* Чжунти цзянь жэньчжи чай юй чжунго дэ вайцзяо цзюецэ: [Когнитивный диссонанс между субъектами и внешнеполитическое решение Китая] // Вайцзяо пинлунь. 2010. № 4. С. 3–7.
12. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность. Москва: МОСУ, 2001.
13. *Кочетков В.В.* Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник МГУ. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26.
14. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 13.01.2019).
15. *Тулупов Д.* Уроки занимательной делимитации: как правильно разделить арктический шельф? 03.04.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uroki-zanimatelnoy-delimitatsii-kak-pravilno-razdelit-arktich/> (дата обращения: 13.01.2019).
16. *Кришталь А.Г.* Особенности правового регулирования на арктическом континентальном шельфе. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017. С. 47–53.

17. Загорский А. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 63–71.
18. Там же.
19. Гаврилов В.В., Дремлюга Р.И., Крипакова А.В. Толкование и применение статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в условиях сокращения ледового покрова Арктики // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 151–160.
20. Kraska James. The Law of the Sea Convention and the Northwest Passage. International Journal of Maritime and Coastal Law. 2007. Vol. 22. № 2. P. 257–281.
21. Дай Цзунхань. Ю лянхэго хайян фа гунюэ цзяньши бэйцзи хандао фалу чжэндуань: [Рассмотрение правовых споров Арктического водного пути с точки зрения Конвенции ООН по морскому праву] // Бицзяо фа яньцзю. 2013. № 6. С. 86–108.
22. Соколова Е.Л. Институт исторических вод в современном международном праве. М.: МГИМО, 2014. С. 26.
23. Сахаров А.Г. Развитие Арктического совета как «института регионального управления» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 4. С. 72–92.
24. Koivurova Tomi. Environmental Protection in the Arctic and Antarctic: Can the Polar Regimes Learn from Each Other? // International Journal of Legal Information. 2005. Vol. 33. № 4. P. 203–218.
25. Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана: Илулиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 года // Сайт МИД РФ. 29.05.2008. URL: http://www.mid.ru/sovet-gosudarstv-barenceva/evroarkticskogo-regiona-sber/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/336068 (дата обращения: 13.01.2019).
26. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане // Сайт Президента России. 15.09.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/707> (дата обращения: 13.01.2019).
27. Нуукская Декларация по случаю Седьмой Министерской сессии Арктического совета, 12 мая 2011 года. Нуук, Гренландия. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/779/Nuuk_Declaration_Rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 15.01.2019).
28. Го Пэйцин, Сунь Кай. Бэйцзи лишихуй дэ нукэ бяочжунь хэ чжунго дэ бэйцзи цаньюй чжи лу: [«Нуукские критерии» Арктического совета и путь Китая в Арктику] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 2013. № 12. С. 118–139.
29. Загорский А. Указ. соч.
30. Ян Е, Гу Цян. Чжун оу гуаньси чжун дэ жэньчжи чаи цзи ци инсян пинцзя: [Когнитивный диссонанс в китайско-европейских отношениях и его влияние] // Чжэцзян шэхуэй кэсюэ. 2010. № 4. С. 74–81.
31. HM Government. Adapting to Change. UK policy towards the Arctic. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/251216/Adapting_To_Change_UK_policy_towards_the_Arctic.pdf (дата обращения: 20.01.2019).
32. Чжунго дэ бэйцзи чжэнцэ байпи шу: [Белая книга Арктическая политика КНР] // Синьхуа Ван. 26.01.2018. URL: http://www.gov.cn/xinwen/201801/26/content_5260930.htm#1 (дата обращения: 20.01.2019).
33. Wright David. The Dragon and Great Power Rivalry at the top of the World: China's Hawkish, Revisionist Voices within Mainstream Discourse in Arctic Affairs. Calgary: Canadian Global Affairs Institute. 2018. P. 4–6.